

ВОСПОМИНАНИЯ
О МИХАИЛЕ
ПРИШВИНЕ

Сборник

Москва
Советский писатель
1991

K 1159914

ПТИЦА СИРИН

Двадцать пятого февраля 1963 года в конференц-зале Литературного музея состоялся вечер, посвященный девяностолетию М. М. Пришвина. К этому вечеру оказался причастен и я, как представитель издательства «Художественная литература», которое только что осуществило первое посмертное издание Пришвина в шести томах. Валерия Дмитриевна попросила меня председательствовать на вечере и сказать вступительное слово.

Трудная выпала на мою долю задача. Валерия Дмитриевна дала наказ: не надо вообще о Пришвине, а вспомните что-нибудь из ваших встреч в издательстве. В том-то и дело, что встреч таких было мало, были они мимолетны, официальные и не оставили следа...

Но вдруг я вспомнил о последней встрече в кабинете директора А. К. Котова, которая происходила незадолго до кончины Михаила Михайловича и была связана с подготовкой собрания сочинений, о котором я упомянул выше. Об этой встрече я и решил рассказать в своем вступительном слове. Было это так.

Деловая часть беседы подходила к концу, и, когда все детали нового издания были уточнены, Анатолий Константинович Котов обратился к Михаилу Михайловичу с вопросом:

— Михаил Михайлович! Хочу купить собаку. Посоветуйте, какой породы?

Пришвин улыбнулся, но отнесся к вопросу со всей серьезностью.

— Видите ли,— сказал он,— если вы купите охотничью собаку, а сами не охотник, то заставите собаку страдать, подавляя в ней охотничьи инстинкты. Если купите служебную, сторожевую собаку, овчарку например, и будете держать ее дома, то проку будет мало. Собаки эти умны, сильны, незаменимы в работе, но в городских условиях воспитывать их трудно, собака нервная и может даже покусать хозяина, если тот несправедлив к ней или не посчитается с ее настроением. Не советую! Купите комнатную собаку, таких тоже много... Но какую бы со-

баку ни завели, при правильном к ней отношении она доставит вам много радости.

Был ли удовлетворен Котов ответом Михаила Михайловича — не знаю. Мечтал он как раз о сеттере или овчарке, помню только, что собаку он так-таки и не завел.

Мы спросили у Пришвина: а какая собака у него сейчас?

— Жалька (Джали), — ответил Михаил Михайлович. — Собака охотничья, ирландский сеттер, мой большой, настоящий друг. Вы представить себе не можете, как мы понимаем друг друга. Вот что недавно случилось со мной.

Написал я рассказ и отнес в «Новый мир». В редакции меня встретили замечательно, наговорили кучу приятных вещей, оставили рассказ для прочтения и заверили, что через неделю-другую дадут знать, в каком номере он будет опубликован.

Прошла неделя, две, три, месяц... Ни слуху ни духу. Подумал и решил наведаться в редакцию.

Мой приход поверг сотрудников в настоящее смятение. Рассказ не прочли и куда-то задевали. Ссылаясь на какую-то спешную работу, на нездоровье кого-то из товарищей, обещали решить теперь это дело скоро и известить немедленно.

Огорченный, я побрел домой, и, чем ближе был мой дом, тем более и более я огорчался. Ну, было бы это в пору моей молодости, а ведь мне уже восьмой десяток, вроде бы и читатель у меня есть, и какая-никакая известность. Как же так, почему же такое равнодушие и такая необязательность?..

У порога дома решил, что не след портить своим огорчением настроение домашних. Подтянулся, принял довольный вид и на вопрос: «Как дела?» — ответил почти победоносно: «Все в порядке!» Мне удалось обмануть близких, но Жалька! Она одна разгадала обман, прильнула ко мне, лизнула, жалостно заскулила, пытаясь заглянуть в глаза и по-собачьи как-то утешить.

Вот и все, что запомнилось мне из этой беседы. Конечно, в своем вступительном слове я рассказал и о только что завершённом собрании сочинений, и о том, как отбирали дневниковые записи, как решились на публикацию «Осударевой дороги» в ее первом варианте...

Вечер продолжался, выступали поэты, читали стихи, вспоминали о встречах с Пришвиным. Было тепло и уютно на этом вечере, мало походившем на официальную церемонию. Очередь дошла и до Александра Яшина. Он был соседом Пришвина по дому в Лаврушинском переулке, часто с ним встречался, беседовал.

Яшин задушевно говорил о своем старшем друге. В заключение, весь напрягшись, сказал:

— А теперь мне остается поведать о моей последней встрече. Из моих окон виден балкон квартиры Михаила Михайловича. Я часто смотрел на него, гуляющего по этому балкону. Но вот уже много дней балкон был пуст. Михаил Михайлович тяжело болел...— Голос Яшина дрогнул, но он продолжал: — И все же однажды я увидел из моего окна, как на балконе Пришвина в канун Нового года появилась стройная елочка, а вскоре появился и Михаил Михайлович, укутанный в теплую шубу. Он стоял перед этой елочкой...— Голос Яшина дрожал все больше и больше, но он продолжал: — Хотел бы я знать, что думал Михаил Михайлович в эту минуту, а думал он...— Но тут голос Яшина сорвался, и он заплакал, не в силах продолжать свое выступление...

В зале было тихо. Председатель объявил перерыв.

В перерыве я спросил Яшина:

— Ну, что с тобой?

— Ах, Александр Иванович! Знали бы вы, чего я только не натерпелся из-за своих «Рычагов», а теперь из-за «Вологодской свадьбы». Да знали бы они, что в «Вологодской свадьбе» я рассказал половину правды...

Не могу не рассказать об истории надгробия, установленного на могиле Пришвина на Введенском кладбище в Москве.

Однажды Валерия Дмитриевна попросила меня и редактора шеститомника К. Ф. Платонову посетить мастерскую С. Т. Коненкова, осмотреть и принять надгробие писателя, работу над которым скульптор только что закончил.

В холле мастерской нас усадили в примечательные кресла, выполненные из корневищ деревьев. Коненков задерживался, и у нас было время полюбоваться креслами и другими достопримечательностями, а также обменяться предположениями о том, как решил свою задачу скульптор. Мне, например, представлялось, что это будет мраморный бюст писателя — мудрого и красивого старца, устремившего свой взор вдаль, в необъятные пространства, в будущее.

Но вот появился Коненков. Был он, несмотря на возраст, подвижен и скор. Нас повели в мастерскую. Среди многих начатых скульптур обращала на себя внимание огромная статуя Маяковского, а на одном из рабочих столов стояло нечто, прикрытое холстиной.

— Ну, вот вам и надгробие! — Коненков сдернул покры-

вало, и перед нами оказалась птица из раскрашенного белого мрамора, восседающая на каменной глыбе.

Удивленные, мы застыли, не зная, что сказать. Так это было неожиданно. Прошло несколько минут, прежде чем мы смогли постичь замысел художника и выразить свое восхищение.

— Птица Феникс? — спросили мы.

— Нет! Это Птица Сири́н из древней русской мифологии — символ счастья!

Друг и почитатель Михаила Михайловича, Коненков своим творением дал высочайшую оценку писателю, его вдохновенному поэтическому труду.

А. И. Пузиков (р. 1911) — литературовед, писатель, автор книг о французских просветителях, Э. Золя, О. Бальзаке и др. Больше тридцати лет был главным редактором издательства «Художественная литература», лауреат Государственной премии.